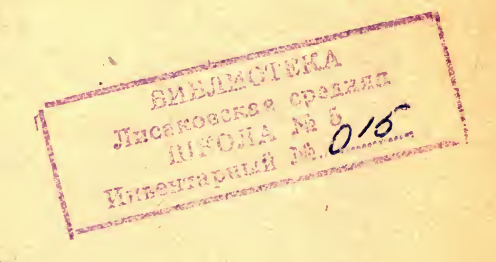
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Алма-Ата
«Мектеп»
1983

82.3Р—6
С 48

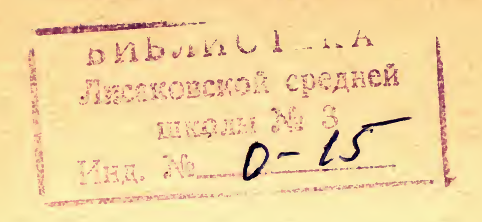
С 48 Слово о полку Игореве. Алма-Ата: Мектеп, 1983.—80 с.

Классический памятник древнерусской литературы, произведение глубоко народное и гуманное. В книгу вошли древнерусский текст, прозаический перевод на современный русский язык И. П. Еремина, поэтический перевод В. А. Жуковского, объяснительный перевод Д. Лихачева.

82. 3Р—6

С $\frac{4702010100—053}{404(05)—83}$ 273—83

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Весна 1185 года. Огромная, бескрайняя, поросшая буйной травой дикая степь. Бесконечные отлогие спуски к далеким рекам. Скрытые от глаз кустарники и рощи по оврагам. Со всех сторон опасность: степь принадлежит тем, кто в ней кочует, кто идет весной с юга от зимовий на богатые северные пастбища, на села и города русских, чтобы захватить детей, женщин, мужчин, поживиться золотом, мехами, тканями, оружием. Степняки объединены, сплочены, у них быстрые кони, осадные катапульты, чтобы брать города, огромные передвигающиеся на великих возах самострелы, тетиву которых натягивают пятьдесят человек. Есть даже «греческий огонь». Они воюют и в Средней Азии, и на Балканах. Именно в этот год они сражаются в Болгарии. Воюя, они движутся всем народом: их жены и дети — в походных войлочных домах на телегах. Это страшный враг, ужас и проклятие Руси — половцы.

Медленно движется в этой «незнаемой стране» в «диком поле» небольшое войско новгород-северского князя Игоря Святославича и его немногих союзников. Они идут уже давно, идут навстречу врагу. Это небольшой движущийся островок Русской земли [1]. Со всех сторон — с фронта, с флангов и с тыла — войско окружено таинственной и враждебной неизвестностью. Высылаемая вперед разведка не может принести надежных вестей о передвижениях быстрого степного врага. Каждый день пути увеличивает опасность.

Воины помнят о грозном предзнаменовании — солнечном затмении первого мая 1185 года, застигшем их в самом начале похода у берегов Оскола. Игорь Свято-

---

[1] *Русской землей* в те времена называли не только Русскую страну, но и русский народ, русское войско.

славич сказал тогда боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Те опустили головы: «Княже! се есть не на добро знамение се». Игорь возразил: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не весть, а знамению творець бог и всему миру своему. А нам что створить бог,— или на добро, или на наше зло,— а то же нам видети». Иными словами: мы сами увидим нашу судьбу, и нечего о ней думать раньше времени.

Тяжело было прощание с родиной, скрывшейся за пограничным холмом: «О Руская земле, уже зе шеломянем еси!»

Войско идет, сопровождаемое зловещим вниманием хищников, следующих по пятам за войском и ждущих добычи на полях будущих сражений. Хищные птицы то отстают, то обгоняют полки. Волки прячутся по оврагам. Люди и звери, ожидающие их гибели, идут вместе все дальше на юг.

Во время ночевок многим не спится. Короткие переходы от дня к ночи и от ночи к утру кажутся томительно длинными. Долго догорают зори. В темноте и опасности слух обостряется до крайности. Кажется, слышен скрип половецких телег, мчащихся навстречу русским. Или это клик лебедей, вспугнутых движением войска?

Когда высланная вперед разведка донесла, что захватить половцев врасплох не удалось, что половцы вооружены и готовы к бою, Игорь не поворотил коней, но и не стал уверять своих воинов в близкой победе. Он сказал: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пущеи смерти,— но како ны бог дасть». Перед первой битвой Игорь снова обратился к своим войскам с кратким словом: «Братья, сего есмы искали, а потягнем». Поразительно, что Игорь ничего не сулит своим воинам и не ободряет их призраком победы. Он только обращается к их чувству чести, к их чувству долга и мужеству. Когда после первой легкой победы над передовыми отрядами половцев небольшое русское войско вскоре увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю», что оно окружено, что половецкие полки наступают со всех сторон, «ак борове» (подобно лесу), и русские князья не знали, кому куда выступать со своими полками, Игорь снова ободрил своих: «Се ведаюче собрахом на ся землю всю:

Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича, и Терьтробича». Иными словами: мы знали, что делали, выступая в поход.

Чувство чести диктует и тактику боя. В войске Игоря были не только профессиональные воины-дружинники, но и крестьянское ополчение — «черные люди». Княжеская дружина была на конях, крестьяне шли в пешем строю. Игорь приказал дружине сойти с коней, чтобы сражаться всем вместе, не опережая друг друга. Речь Игоря напоминает речи Владимира Мономаха своею заботой о «черных людях». Он сказал: «Оже побегнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на единомь месте».

Наконец, в последнем акте развернувшейся трагедии, когда русские потерпели страшное поражение и раненный в руку Игорь был схвачен и связан, он мужественно принял вину на себя и в тяжелом раздумье о судьбах своего народа каялся в преступлениях, совершенных им против простых крестьян во время междоусобных войн. Его покаянная речь ужасна. Игорь вспоминает, сколько убийств сотворил он в своих междоусобных войнах с другими русскими князьями, сколько пролил крови, когда взял приступом Переяславль у князя Глеба Святославича, сколько тогда горя приняли невинные люди и как дети были разлучены с отцами, брат с братом, друг с другом, дочери с матерями, подруги с подругами. Все было тогда смятено пленом и скорбью. Живые завидовали мертвым... Юноши приняли тогда немилостивые раны, мужи были посечены и разрублены на части, жены осквернены. «И все то совершил я,— говорит Игорь.— Недостоин я жить». Ставя в непосредственную связь нынешнее свое поражение с междоусобицами прошлого, Игорь так вспоминал потери в битве: «Где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения моего? где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд полъчный? где кони и оружья многоценьная?»[1]

Игорь был глубоко прав, объясняя поражение от

[1] Здесь и выше цитируется по изданию: «Летопись по Ипатскому списку», издание Археографической комиссии. Спб., 1871 (см. под соответствующими годами, с. 430—434).

половцев предшествующими междоусобными войнами с другими русскими князьями. Русским князьям не хватало единства в борьбе с врагом, они выступали против степи с немногими разрозненными силами. Враждовавшие между собой князья не могли сопротивляться страшному врагу Руси, объединившемуся тогда под властью хана Кончака.

Есть что-то общее в этом мужественном, прямом взгляде Игоря на действительность, о котором мы узнаем из летописей, с мужественностью и прямотой лучшего древнерусского произведения, созданного об этом походе,—«Слова о полку Игореве».

В самом деле, величайшая патриотическая поэма Древней Руси посвящена не одной из побед, которых немало знало русское оружие, а страшному поражению, в котором впервые за всю русскую историю князь оказался плененным, а войско почти совсем уничтоженным! Автор «Слова» смотрит в глаза опасности, суровой действительности, видит перед собой всю Русь, страдающую от вековых усобиц князей и опустошительных набегов половцев. Он обращается ко всем русским князьям поочередно, как бы призывая их к ответу и требовательно напоминая им об их долге перед родиной. Он зовет их защитить Русскую землю, загородить степи ворота своими острыми стрелами. И поэтому, хотя автор и пишет о поражении, в «Слове» нет и тени уныния. «Слово» так же лаконично и немногословно, как обращения Игоря к своей дружине. Это зов перед боем. Вся поэма как бы обращена к будущему, пронизана заботой об этом будущем. Для автора «Слова» битва со степным врагом еще не кончилась. Поэма о победе была бы поэмой торжества и радости. Победа — это конец сражения, поражение же для автора «Слова»— это только начало битвы. Поражение должно объединить русских. Не к пиру-торжеству зовет автор «Слова», а к пиру-битве.

Автор «Слова» не чувствует себя человеком зависимым, подневольным, выполняющим чей-то заказ. Это не придворный льстец и не угодливый сочинитель славы своему князю. Это и не составитель печальной элегии, оплакивающей поражение русских. Автор мужественно и прямо обличает крамолу князей — своих современников и их предков. Родоначальник князей

Ольговичей, дед Игоря Святославича — знаменитый противник Владимира Мономаха Олег Святославич — мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. При Олеге Святославиче Русская земля засевалась и прорастала усобицами, погибало достояние русского народа — «Даждьбожьего внука», в княжеских крамолах сокращались жизни человеческие, редко слышались покрикивания пахарей, но часто граяли вороны, деля между собой человеческие трупы. При родоначальнике полоцких князей Всеславе Полоцком, говорит автор «Слова», кровавые берега Немиги не добром были посеяны — посеяны костьми русских сынов. Бориса Вячеславича Киевского похвальба на суд судьбы привела, уложила его на смертное ложе — на зеленую «паполому» реки Канины. Потомки этих князей не лучше. Автор «Слова» гордится смелостью и мужеством Игоря Святославича, радуется его возвращению из плена, но вместе с тем смело упрекает его за безрассудство, за ослушание Святослава Киевского. С поражением Игоря «не веселая година настала», прекратилась борьба князей с половцами и сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить и сами на себя крамолу ковать, а «поганые» со всех сторон приходили с победами на землю Русскую. И застонал Киев от горя, а Чернигов от напастей; тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла среди земли Русской, князья сами на себя крамолу ковали, и поганые с победами нарыскивали на Русскую землю, беря дань по белке от двора. Игорь и Всеволод своим непослушанием пробудили коварство половцев. Словами Святослава Киевского автор упрекает Игоря и Всеволода за поиски личной славы.

Он смело требует от князей согласованных действий против врагов Руси, укоряет их за бездеятельность. Всеволод Суздальский могуществен, но он не хочет прилететь издалека на юг, поблюсти здесь золотой киевский стол своего отца Юрия Долгорукого. Рюрик и Давыд обладают храброй дружиной, но и их нужно призывать вступить в золотые стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря. Ярослав Осмомысл высоко сидит на златокованом престоле, подперев Венгерские горы своими железными полками, заступив путь

венгерскому королю, суды рядя до Дуная, ведя могущественную политику на Ближнем Востоке и повелевая даже Киевом, но и его нужно призывать выступить против Кончака, за землю Русскую, за раны Игоревы. Роман и Мстислав храбры и отважны, но для Игорякнязя тем не менее померк солнца свет, половцы по Роси и Суле города поделили. Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича не по праву побед захватили себе владения. Автор «Слова» стыдит этих князей: «Где же ваши золотые шеломы, и сулицы лядские, и щиты! Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!» Особенно гневные слова обращает автор к полоцким Всеславичам — ближайшим родственникам Святослава Киевского (Святослав был женат на полоцкой княжне). Автор требует, чтобы Всеславичи склонили свои стяги, вложили в ножны свои поврежденные мечи, ибо лишились они дедовской славы и своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую.

Автор «Слова» чувствует себя власть имущим, как чувствовали себя власть имущими и все последующие русские писатели. Мы узнаем в «Слове» замечательный героический дух всей последующей русской литературы, высокое сознание своей ответственности, своего писательского призвания, своего общественного долга. Он говорит как равный со всеми, требует, а не молит. Голос его поднимается до обличительного пафоса. Есть что-то пророческое в его обличениях. Вот почему К. Маркс писал: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием... монгольских полчищ»[1].

Надо было быть очень смелым человеком, чтобы выступать так, как автор «Слова о полку Игореве». Уже в XI веке среди писателей того времени, несмотря на всю скудость сведений о них, мы можем различить первые жертвы государственных репрессий против литературы: княжеский гнев обрушился против одного из первых русских проповедников — киевопечерского игумена Феодосия; автора «Слова о законе» митрополита Илариона смещают, летописца Никона принуждают бежать в Тмуторокань. Служение литературе с

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 29, с. 16.

самого начала приобрело черты жертвенности и мученичества. Так было и в последующие века: автора «Моления» Даниила заточают, Максима Грека переводят из одной монастырской тюрьмы в другую, Аввакума и его друга Епифания сжигают за «великие на царский дом хулы». В страстном и требовательном обращении автора «Слова» к русским князьям есть что-то предвещающее властные и гневные обращения к царям Радищева, Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Льва Толстого.

Страстность, с которой написано «Слово», поразительна. Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя горестными восклицаниями: «О, далеко залетел сокол, птиц избивая, к морю! А Игорева храброго полку уже не воскресить!», «О, стонать Русской земле, поминая прежнее время и прежних князей!» Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Чувства автора «Слова» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, что этими же чувствами, этими же переживаниями наделено и все окружающее. Животные, деревья, трава, цветы, вся природа и даже городские стены щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы удесятерены в силе.

С осязательной живостью рисует автор «Слова» удаление русского войска и дважды восклицает: «О Руская земле, уже за шеломянем (за пограничным холмом) еси!» Только бывавший в походах мог с такою точностью передать душевные переживания воинов, уходящих за пределы родной земли, прощающихся с родиной.

Автор «Слова» как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет и не может осознать внезапно надвинувшегося поражения,

несмотря на всю его очевидность. Он восклицает: «Что шумит, что звенит на рассвете рано перед зорями?» Только переживший сам душевную утрату мог с такой психологической верностью передать свое смятенное состояние, свое нежелание поверить в случившееся несчастье.

С исключительной глубиной проникает автор «Слова» и в душевные переживания своих героев. Во всей сложности предстают перед нами противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отечески любит их и отечески упрекает за безрассудную затею похода без сговора с остальными русскими князьями:

«Что же сотворили вы моей серебряной седине!»

Автор «Слова» понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптав «поганые» полки половецкие, «помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам — и всяким узорочьем половецким». И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор «Слова» с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своем муже. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере. С удивительной человечностью говорит автор «Слова» об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы, на кровавой траве: не было с ним его братьев, в одиночестве изронил он свою жемчужную душу через золотое ожерелье.

Человечность «Слова» проявляется разнообразно и сильно. Она сказывается и в характеристиках действующих лиц: выразительных, кратких и удивительно различных. При всей мимолетности замечаний, которые автор «Слова» в своей лирической торопливости бросает о действующих лицах, в «Слове» нет и двух одинаковых персонажей. Каждый из многочисленных героев «Слова» наделен собственными чертами. В них подмечено самое существенное, и это существенное воплощено в произведении самыми различными художественными средствами. Образ «соловья старого времени» Бояна раскрыт характеристикой его художественной

манеры. Характеристика Ярославны воплощена в ее плаче. Описание воинской готовности «сведомых кметей», курских воинов Всеволода буй-тура, является одновременно и их лучшей характеристикой.

Но истинным, главным героем произведения является вся Русская земля, и в описании ее, в создании ее образа автор поднимается до необычайного мастерства. Образ родины пронизывает собой все произведение и создан с необыкновенным темпераментом, с чувством страстной любви к ней.

В действие «Слова» втянуты огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), Дон, Черное и Азовское моря, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др.— вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не выключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а литву, половцев, ятвягов и деремелу (литовское племя) быть непосредственно вовлеченными в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обозревает все происходящее, автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее концах: «девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева»; «трубы трубят в Новегороде, стоят стязи в Путивле», «кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве» и т. д. Одновременно с походом Игорева войска двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их немазаные телеги.

Таким же, как у него самого, обостренным слухом и зрением, способным прозревать пространство, наделяет автор и своих героев: когда Всеславу в Полоцке позвонят к заутрени рано у Святой Софии в колокола — он в Киеве уже звон слышал, а когда Олег вступал в золотое стремя в городе Тмуторокани — тот

звон слышал, бывало, великий Ярослав, а Владимир (Мономах) всякое утро уши себе закладывал в Чернигове.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав, по выражению «Слова», хитростями подперся на коней и скакнул ко городу Киеву и доткнулся копьем до золотого престола киевского. Отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синем облаке, наутро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал, из города дорыскивал до петухов до Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев «Слова» приобретает гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Галицкий Ярослав подпер горы, затворил Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щекот соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором развертывается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Ярославна в плаче обращается в ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море; к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы носады до Кобякова стана; к солнцу, которое для всех тепло и

прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы, принимающие участие в судьбе Игоря.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты («не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому», вороны несутся к синему морю и пр.); ветры и отдаленное море также подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора «Слова» охватывает подробности походной жизни, степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противостоит образу пустынной половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Вся художественная система «Слова» построена на контрастах.

Один из самых острых контрастов, пронизывающих все «Слово»,— это контраст книжных элементов стиля с народнопоэтическими. Элементы книжные и устные, переплетаясь, создают своеобразие и разнообразие стиля этого небольшого, но исключительно богатого по форме и содержанию произведения.

В «Слове» можно заметить многочисленные связи с современными ему произведениями переводной и оригинальной книжности домонгольского времени. Отдельные образы «Слова» близки к образам летописи, «Слова о погибели русской земли», проповедей Кирилла Туровского, переводных хроник Манассии и Георгия Амартола, к «Повести о разорении Иерусали-

ма» и к «Девгениеву деянию». Так, например, начальные размышления автора «Слова» о том, какой избрать стиль для описания событий, и самое обращение к певцу — своему предшественнику имеют аналогии в переводной хронике Манассии. Книжного происхождения выражение «старыми словесы» или образ «мысленного древа», выражения «истягнуть умь крепостию своею» и «поострить сердца своего мужеством», «свивать славы оба полы сего времени» и «летать умом под облакы».

Широко представлена в «Слове» и феодальная символика. В военнодружинной среде определенное символическое значение имели меч (символ войны), стяг, копье, стремя. Выражение «вступить в стремя» означало выступить в поход, «понизить стяг» означало признать себя побежденным, «испить шлемом воду из какой-либо реки» значило покорить земли на ее берегах.

Но ближе всего «Слово» к народной поэзии.

Народны в «Слове» образы дерева, приклоняющегося до земли от горя, никнущей от жалости травы, сравнений битвы с пиром, с жатвой. Близок к народному плачу плач Ярославны. В народных плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны. Сон Святослава полон народных поэтических символов. Описание бегства Игоря из плена имеет сказочные мотивы: в сказках нередко герой, спасающийся от преследующего его колдуна, также обращается в животных. Подобно Игорю, обернувшемуся соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, в былине о Волхе Всеславьевиче последний, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для своей дружины. Воспитание курских дружинников напоминает воспитание Волха Всеславьевича. Народен и образ «девы Обиды», встречающийся в устной поэзии. Народного богатыря напоминает Всеволод буй-тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод буй-тур сражается с врагами, и куда поскачет — там лежат «поганые» головы половецкие.

Народная стихия в «Слове» выражается в излюбленных народной поэзией отрицательных метафорах

(«у Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костьми русских сынов»), в фольклорных эпитетах (чистое поле, острые мечи, каленые стрелы, синее море, черный ворон, красные девы и др.), в некоторых гиперболах, сравнениях и т. д.

Соединение письменной, литературной традиции и народной, устной делает «Слово» особенно богатым, сложным, многогранным.

Остро контрастно в «Слове» и сочетание прозы с ритмически организованными строками.

Бодрый и энергичный ритм мчащихся воинов чувствуется в описании черниговских кметей:

под трубами повити,
под шеломы възлелеяны,
конець копия въскормлени;
пути имь ведоми,
яруги имь знаеми,
луци у них напряжени,
тули отворени,
сабли изострени.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача ощущается в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

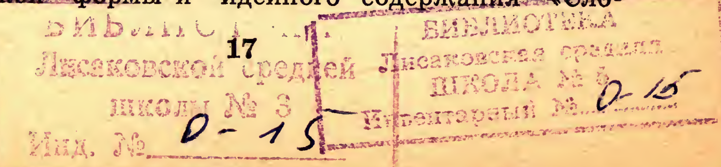
О Днепре Словутицю!
Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую.
Ты лелеял еси на себе Святославли носады до полку Кобякова.
Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано!

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз: «ту», «уже» и пр. Достигается ритмичность и сочетаниями однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

притопта холми и яругы,
взмути реки и озеры,
иссуши потоки и болота.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «от Дона и от моря», «в ты рати и в ты полкы».

Ритм «Слова» часто меняется, близко следует смыслу, содержанию произведения. В точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Сло-

ва» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блестят — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничить»). Персты не просто кладут на струны — их «воскладают». Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю».

Автор «Слова» очень скуп на эпитеты, но зато употребленные им — метки. Сравните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь в одиночестве на поле битвы, умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря из плена: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочут славу, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева — они «вьются». Телеги у него не скрипят, а «кричат», как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и славу «звонят». Соловьи «щекочут», их песни «веселые», орлы «клекчут», лисицы «брешут», волки «въсрожать» (поднимают вой), галки «говорят», кони «ржут», див «кличет», вороны «грают», туры «рыкают», сороки «втроскоташа», дятлы «тектом» поведают путь Игорю, ночью встает звериный «свист» (свист степных сусликов) и т. д.

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, характерным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, наступившего в XII веке. Зрительно эффектны образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, черной земли, политой красной кровью.

Очень богата оружейная терминология «Слова», типичная для средневековой любви к оружию. Сабли в «Слове» «гремлют» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам. Сабли «каленые» и «изостренные». Мечи «цвелят» Половецкую землю, ими «гремят» и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием (древком) можно «доткнутися» до престола. Стрелы «каленые», «острые» и «золоченые». Они «летят», ими «прыщут» и их «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мы́чат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) лядские (польские), шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («каленые», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто тем не менее прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же рассеялись по полю русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Созданное вскоре после описываемых событий, «Слово о полку Игореве» «не затерялось,— по выражению академика А. С. Орлова,— на границе дикого поля». Во все эпохи «Слово» было живым явлением русской литературы, всегда сохраняло свою идейную и эстетическую действенность. В 1307 году скромный писец Пантелеймонова монастыря в Пскове переписывал «Апостол» и захотел в приписке выразить свое возмущение усобицами князей, своих современников — Михаила Тверского и Георгия Даниловича Московского,— он сделал это словами «Слова о полку Игореве»: «При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы, и вѣци скоротиша-

ся человеком!» Впечатления от Куликовской битвы Сафоний-рязанец выразил в произведении, подражающем «Слову»,—«Задонщине». Отдельные образы и выражения «Слова» отразились и в «Сказании о Мамаевом побоище».

«Слово» дошло до нас в единственном списке XVI века. Трагична его судьба: в 1812 году этот единственный список сгорел вместе со всеми другими ценнейшими рукописями собрания А. И. Мусина-Пушкина в большом московском пожаре. Но, по счастью, в 1800 году Мусин-Пушкин успел издать его. Благодаря этому «Слово о полку Игореве» стало живым явлением не только древней русской литературы, но и новой, и в особенности современной.

Небольшой памятник, посвященный горестному поражению русских в походе против половцев 1185 года, оказался одной из самых больших и радостных побед русского слова.

Красотой «Слова» были упоены люди безукоризненного вкуса: Жуковский, Пушкин, Белинский, Гоголь, а в XX веке — Блок, Бунин и многие советские поэты и писатели.

Сила любви к родине, к Русской земле покоряет читателей «Слова». Чувство это пронизывает собой все произведение, проступает в каждой строке. Оно наполняет сердце читателя жгучим горем при описании поражения русского войска, гордостью за свою родину при описании силы и смелости ее князей, острой ненавистью к ее врагам в рассказе о разорении Русской земли. Любовь к родине и русскому народу определила выбор художественных средств в «Слове», близких к народному творчеству, усилила наблюдательность его автора, вдохнула в него подлинное поэтическое одушевление, придала высокую идейность его произведению.

Вот почему значение «Слова» так безмерно возросло в наше время. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех людей, беззаветно преданных своей родине.

Д. Лихачев

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Древнерусский текст

Древнерусский оригинал «Слова» (по изданию 1800 г.) воспроизводится в исправленном виде; все необходимые поправки внесены в текст; разночтения оригинала с текстом указаны в примечаниях. Орфография максимально приближена к современной (буквы «ять», «і», «ъ» в конце слова и, где это возможно, в середине не воспроизводятся); пунктуация и деление текста на абзацы даны в соответствии с нашим пониманием текста. Разночтения так называемой Екатерининской копии «Слова» в настоящем издании не приводятся. В тексте не исправляется свойственная древнерусскому языку неустойчивость орфографии, в некоторой мере отражающая неустойчивость произносительных норм или различное произношение в разных положениях одного и того же слова или корня слова: Владимир — Владимер, Кыев — Киев, полки — полкы, Святославлича — Святославича, рыскаше — дорискаше, Тьмуторокань,— Тьмутораканъ, чрез — чрес, девица — дивица и пр.

Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича! Начати же ся той песни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню! Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию * по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы. Помнящеть бо речь первых времен усобице,— тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедей; который дотечаше, та преди песнь * пояше старому Ярославу *, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полкы касожьскыми, красному Романови Святославличю. Боян же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедей пущаше, но своя вещиа персты на живая струны воскладаше; они же сами князем славу рокотаху.

Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимера до ныняшнего Игоря, иже истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством,

наполнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя полкы на землю Половецькую за землю Руськую.

О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача, славию, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы! Пети было песнь * Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стады бежать к Дону великому». Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Кыеве. Трубы трубять в Новеграде, стоять стязи в Путивле».

Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй-тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святославличя. Седлай, брате, свои борзыи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряни — сведоми кмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конець копия въскормлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени; сами скачють, акы серыи волци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: «Братие и дружино! Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти. А всядем, братие, на свои борзыя комони, да позрим синего Дону!» Спала князю умь похоть *, и жалость ему знамение заступи искусити Дону великаго. «Хощу бо,— рече,— копие приломити конець поля половецкаго с вами, русици! Хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Тогда въступи Игорь князь в злат стремень и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди; свист зверин въста: збися Див, кличет* верху древа — велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьскый болван! А половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому; крычат телегы полунощы, рци лебеди роспужени *.

Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птиць по дубию *, волци грозу въсрожат по яругам;

орли клектом на кости звери зовут; лисици брешут на черленыя щиты. О Руская земле, уже за шеломянем еси!

Долго ночь мркнет. Заря свет запала, мгла поля покрыла; щекот славий успе, говор галичь убудиси *. Русичи великая поля черлеными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы.

С зарания в пяток * потопташа поганыя полкы половецкыя и, рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтмами, и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотом и грязивым местом — и всякыми узорочьи половецкыми. Черлен стяг, бела хорюговь, черлена чолка, сребрено стружие — храброму Святославличю!

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно * обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчине! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след править к Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; черныя тучя с моря идут, хотят прикрыти 4 солнца, а в них трепещуть синии молнии. Быти грому великому! Итти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручяти о шеломы половецкыя, на реце на Каяле, у Дону великаго. О Руская земле, уже за * шеломянем еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя полкы Игоревы. Земля тутнет, рекы мутно текуть; пороси поля прикрывают; стязи глаголют — половци идуть от Дона и от моря; и от всех стран Рускыя полкы оступиша *. Дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша черлеными щиты.

Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганыя головы половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя от тебе, яр туре Всеволоде! Кая рана * дорога, братие, забыв чти, и живота, и града Чернигова, отня злата стола и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая!

Были вечи Трояни, минула лета Ярославля; были полци Олговы, Ольга Святославличя. Той бо Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земле сеяше; ступает в злат стремень в граде Тьмуторокане,— той же * звон слыша давный великый Ярославль * сын Всеволод *, а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове. Бориса же Вячеславича слава на суд приведе и на ковыле * зелену паполому постла за обиду Олгову,— храбра и млада князя. С тоя же Каялы Святополкь полелея * отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святей Софии и Киеву. Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука, в княжих крамолах веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие. То было в ты рати и в ты полкы, а сицеи рати не слышано.

С зараниа до вечера, с вечера до света летят стрелы каленыя, гримлют сабли о шеломы, трещат копиа харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи. Черна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече * рано пред зорями? Игорь полкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый; третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида в силах Даждьбожа внука, вступила * девою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синем море у Дону: плещучи, упуди * жирня времена. Усобица князем на поганыя погыбе, рекоста бо брат брату: «Се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» молвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран прихождаху с победами на землю Рускую.

О, далече зайде сокол, птиць бья, к морю! А Игорева храбраго полку не кресити! За ним кликну карна,

и жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи в пламяне розе. Жены руския въсплакашась, аркучи: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!»

А въстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлияся по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, победами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по беле от двора.

Тии бо два храбрая Святославлича, Игорь и Всеволод, уже лжу убудиста *, которую то бяше успил отец их Святославь грозный великый Киевскый грозою: бяшеть притрепетал своими сильными полкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта холми и яругы; взмути реки и озеры; иссуши потоки и болота; а поганаго Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких, яко вихр, выторже,— и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святославли. Ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святославлю, кають князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы, рекы половецкия, рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь выседе из седла злата, а в седло кощиево. Уныша бо градом забралы, а веселие пониче.

А Святославь мутен сон виде в Киеве на горах. «Си ночь, с вечера, одевахуть *мя — рече — черною паполомою на кроваты тисове; черпахуть ми синее вино, с трудомь смешено; сыпахуть ми тощими тулы поганых толковин великый женчюгь на лоно и неговахуть * мя. Уже доскы без кнеса в моем тереме златоверсем: всю нощь с вечера босуви врани възграяху у Плеснеска на болони, беша дебрь Кисаню и не сошлю к синему морю».

И ркоша бояре князю: Уже, княже, туга умь полонила: се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самаю опуташа * в путины железны. Темно бо бе в 3 день: два солнца померкоста, оба багряная столпа погасоста и с ними* молодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста и в море погрузиста, и великое буйство подаста* хинови. На реце на Каяле

тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже вержеся * Дивь на землю. Се бо готския красныя девы воспеша на брезе синему морю, звоня руским златом; поют время Бусово, лелеют месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великий Святослав изрони злато слово, с * слезами смешено, и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати: но не честно одолесте, не честно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена. Се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовоя * брата моего Ярослава с черниговьскими былями, с могуты, и с татраны, и с шельбиры, и с топчакы, и с ревугы, и с ольберы: тии бо бес щитовь с засапожникы кликом полкы побеждают, звонячи в прадеднюю славу.

Но рекосте: «Мужаимеся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю си* сами поделим!» А чи диво ся, братие, стару помолодити! Коли сокол в мытех бывает,— высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но се зло: княже ми непособие — наниче ся годины обратиша. Се у Рим кричат под саблями половецкыми, а Володимир — под ранами. Туга и тоска сыну Глебову!

Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти — удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче и Давыде! Не ваю ли вои * злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают, акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаеме! Вступита, господина, в злат * стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы угорскыи своими железными полки, заступив королеви путь,

затворив Дунаю ворота, меча бремень * чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; отворяеши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носит ваш * ум на дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол, на ветрех ширяяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи папорзи под шеломы латинскими: теми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя повергоша *, а главы своя подклониша * под тыи мечи харалужныи. Но уже, княже, Игорю утрпе солнцю свет, а древо не бологом листвие срони — по Роси * и по Сули гради поделиша. А Игорева храбраго полку не кресити. Дон ти, княже, кличет и зоветь князи на победу. Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань.

Ингварь и Всеволод и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци! Не победными жребии собе власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича!

Уже бо Сула не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав, сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломы литовския, притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под черлеными щиты на кроваве траве притрепан литовскыми мечи, и схоти ю на кровать и рек: «Дружину твою, княже, птиць крилы приоде, а звери кровь полизаша». Не бысть * ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода. Един же изрони жемчюжну душу из храбра тела чрес злато ожерелие. Уныли голоси, пониче веселие, трубы трубят городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени — уже бо выскочисте из дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою * бо беше насилие от земли Половецкыи».

На седьмом веце Трояни връже Всеслав жребий о девицю себе любу. Той клюками подпръся, оконися * и скочи к граду Кыеву, и дотчеся стружием злата стола Киевскаго. Скочи от них лютым зверем в полночи из Белаграда, обесися сине мьгле; утръ же вознзи * стрикусы, оттвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с Дудуток. На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни — посеяни костьми русских сынов. Всеслав князь людем судяше, князем зем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше; из Кыева дорискаше до кур Тмутороканя, великому Хорсови волком путь прерыскаше. Тому в Полотске позвониша заутренюю рано у святыя Софеи в колоколы, а он в Кыеве звон слыша. Аще и веща душа в дерзе * теле, но часто беды страдаше. Тому вещей Боян и первое припевку, смысленый, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни пытьцю * горазду суда божиа не минути».

О, стонати Руской земли, помянувше первую годину и первых князей! Того стараго Владимира нельзе бе пригвоздити к горам киевским! Сего бо ныне сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, но розно ся * им хоботы пашут, копиа поют.

На Дунаи Ярославнын глас ся слышит*, зегзицею незнаема* рано кычеть: «Полечю — рече — зегзицею по Дунаеви, омочю бебрян рукав в Каяле реце; утру князю кровавыя его раны на жестоцем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееши! Чему мычеши хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшет горе* под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: «О, Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святославли носады до полку Кобякова. Возлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано!»

Ярославна рано плачет в* Путивле на забрале, аркучи: «Светлое и тресветлое солнце! Всем тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячюю свою

лучю на ладе вои? В поле безводне жаждею имь лучи съпряже, тугою им тули затче?»

Прысну море полунощи; идут сморци мьглами. Игореви князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Рускую, к отню злату столу. Погасоша вечеру зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великаго Дону до малаго Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за рекою; велить князю разумети. Князю Игорю не быть! Кликну; стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаем к тростию и белым гоголем на воду. Въвержеся на борз комонь и скочи с него босым волком. И потече к лугу Донца и полете соколом под мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обеду и ужине. Коли Игорь соколом полете, тогда Влур волком потече, труся собою студеную росу; преторгоста бо своя борзая комоня.

Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на волнах, стлавшу ему зелену траву на своих сребреных брезех, одевавшу его теплыми мглами под сению зелену древу; стрежаше его* гоголем на воде, чайцами на струях, чернядьми на ветрех». Не тако ли — рече — река Стугна; худу струю имея, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту, уношу князю Ростиславу затвори Днепрь темне березе. Плачется мати Ростиславля* по уноши князи Ростиславе. Уныша цветы жалобою, и древо с тугою к земли преклонилося*.

А не сорокы втроскоташа — на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком. Тогда врани не граахуть, галици помолкоша, сорокы не троскоташа, полозие* ползоша только. Дятлове тектом путь к реце кажут, соловии веселыми песьми свет поведают. Молвит Гзак Кончакови: «Аже сокол к гнезду летит, соколича ростреляеве своими злачеными стрелами». Рече Кончак ко Гзе: «Аже сокол к гнезду летит, а ве соколца опутаеве красною девицею». И рече Гзак к Кончакови: «Аще его опутаеве красною девицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны девицы, то почнут наю птици бити в поле Половецком».

Рек Боян и ходы на Святославля песнотворца* стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: «Тяжко

ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы» — Руской земли без Игоря. Солнце светится на небесе — Игорь князь в Руской земли. Девици поют на Дунаи, вьются голоси чрез море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святей богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели.

Певше песнь старым князем, а потом молодым пети. Слава Игорю Святославличю*, буй-туру Всеволоду*, Владимиру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя полки. Князем слава а дружине! Аминь.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Прозаический перевод на современный русский язык

Не начать ли нам, братья, по-стародавнему скорбную повесть о походе Игоревом, Игоря Святославича! Или да начнется песнь ему по былям нашего времени — не по замышлению Боянову! Ведь Боян вещий* когда песнь кому сложить хотел, то белкою скакал по дереву, серым волком по земле, сизым орлом кружил под облаками. Поминал он давних времен рати — тогда пускал десять соколов на стаю лебедей; какую догонял сокол, та первая песнь пела старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, красному Роману Святославичу*. Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря*, что отвагою закалил себя, заострил сердца своего мужеством и, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки за землю Половецкую за землю Русскую.

О Боян, соловей старого времени! Вот когда бы ты, соловей, эти полки щекотом своим воспел, мыслию скача по дереву, умом летая под облаками, свивая славу давнего и нынешнего времени, волком рыща по тропе Трояновой* через поля на горы! Так бы тогда пелась слава Игорю, Олегову внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие, галок стаи летят к Дону великому». Или так зачалась бы она, вещий Боян, внук Велесов:* «Кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новегороде, стоят стяги в Путивле».

Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему буй-тур Всеволод:* «Один брат, один свет светлый ты, Игорь! Оба мы Святославичи. Седлай, брат, своих борзых коней,— мои давно у Курска стоят наготове. А мои куряне — дружина бывалая: под трубами пови-

ты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути ими исхожены, овраги ведомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наострены; сами скачут, как серые волки в поле, себе ища чести, а князю славы».

Тогда посмотрел Игорь на светлое солнце и увидел, что тьма от него все его войско покрыла*. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше в битве пасть, чем в полон сдаться. А сядем, братья, на своих борзых коней, поглядим на синий Дон! Запала князю дума Дона великого отведать и знамение небесное ему заслонила. «Хочу,— сказал,— копье преломить у степи половецкой с вами, русичи! Хочу голову свою сложить либо испить шеломом из Дону».

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце мраком путь ему загородило; тьма, грозу суля, громом птиц пробудила; свист звериный поднялся; Див забился*, на вершине дерева кличет — велит послушать земле незнаемой, Волге, и Поморью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тмутороканский идолище!* А половцы дорогами непроторенными побежали к Дону великому; скрипят телеги их в полуночи, словно лебеди кричат распуганные.

Игорь к Дону воинов ведет. Уже беду его стерегут птицы по дубам; волки грозу накликают по оврагам; орлы клектом на кости зверей зсывают: лисицы брешут на червленые* щиты. О Русская земля, а ты уже скрылась за холмом!

Долго ночь меркнет. Но вот заря свет запалила, туман поля покрыл; уснул щекот соловьиный, говор галок пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, себе ища чести, а князю славы.

Утром в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты*. Ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам — и всяким узорочьем* половецким. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук*, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в степи Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно рождено на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин!

Гзак бежит серым волком, Кончак ему след прокладывает к Дону великому.

На другой день рано утром кровавые зори рассвет возвещают: черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца*, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великого! Тут копьям поломаться, тут саблям постучать о шлемы половецкие, на реке на Каяле*, у Дона великого. О Русская земля, а ты уже скрылась за холмом!

Вот ветры, Стрибожьи внуки*, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Земля гудит, реки мутно текут; пыль степь заносит; стяги весть подают — половцы идут от Дона и от моря; со всех сторон они русские полки обступили. Дети бесовы кликом степь перегородили, а храбрые русичи преградили степь червлеными щитами.

Яр-тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, мечешь стрелы на поганых, стучишь о шлемы мечами харалужными *. Куда, тур, поскачешь, своим золотым шеломом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие. Порублены саблями калеными шлемы аварские тобою, яр-тур Всеволод! Что тому раны, братья, кто забыл и жизнь, и почести, и город Чернигов, отчий золотой стол, и милой своей красной Глебовны* свычаи и обычаи!

Были века Трояновы*, прошли лета Ярославовы; были походы Олеговы, Олега Святославича*. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял; ступит в золотое стремя в городе Тмуторокани — звон тот слышит старый великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши себе закладывает в Чернигове. Бориса же Вячеславича похвальба на суд привела и на ковыль-траве покров смертный зеленый постлала за обиду Олегову — храброго и юного князя. С той же Каялы Святополк прилелеял отца своего между угорскими иноходцами* ко Святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче засевалась и росла усобицами, погибала отчина Даждьбожьего внука *, в крамолах княжих век человечий сокращался. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы себе деля, а галки свою речь говорили, лететь собираясь на поживу. То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано.

С утра раннего до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, стучат сабли о шеломы, трещат копья харалужные в степи незнаемой, посреди земли Половецкой. Черная земля под копытами костьми была засеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле.

Что шумит, что звенит на рассвете рано перед зорями? Игорь полки поворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало; тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, деревья в горе к земле склонились.

Уже, братья, невеселое время настало, уже степь силу русскую одолела. Обида встала в силах Даждьбожьего внука, вступила девою на землю Троянову*, взмахнула лебедиными крылами на синем море у Дона: прогнала времена счастливые. Война князей против поганых пришла к концу, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить, а сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходят с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, к морю! А Игорева храброго полку уже не воскресить! Запричитало по нем горе, и стенанье пронеслось по Русской земле, огонь сея* из пламенного рога. Жены русские восплакались, говоря: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслить, ни думою сдумать, ни очами привороожить, а золота и серебра и в руках не подержать!»

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль многая рекою протекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу куют, а поганые с победами набегают на Русскую землю, дань беря по белке от двора.

Ведь те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, зло пробудили, которое усыпил было грозою отец их Святослав* грозный великий Киевский: прибил своими сильными полками и харалужными мечами, наступил на землю Половецкую; притоптал холмы и овраги; замутил реки и озера, иссушил потоки и болота; а

поганого Кобяка из лукоморья от железных великих полков половецких, как вихрь, вырвал,— и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице* Святославовой. Тут немцы и венециане, тут греки и морава поют славу Святославу, корят князя Игоря, что добычу утопил на дне Каялы, реки половецкой, золото свое рассыпал. Тут Игорь князь пересел с седла золотого да в седло невольничье. Приуныли у городов стены, а веселье поникло.

А Святослав темный сон видел в Киеве на горах*. «Ночью этой, с вечера, накрывали меня,— сказал,— покровом черным на кровати тисовой; черпали мне светлое вино, с горечью смешанное; сыпали мне из пустых колчанов половецких крупный жемчуг на грудь и величали меня. И кровля уже без князька в моем тереме златоверхом, и всю ночь с вечера серые вороны у Плеснеска на лугу граяли».

И сказали бояре князю: «Кручина, князь, разум твой полонила: ведь два сокола слетели с отчего стола золотого — добыть хотели города Тмутороканя либо испить шеломом из Дону. Но уже соколам крылья подсекли поганых саблями, а самих опутали путами железными. Темно было в третий день: два солнца померкли, оба багряных столпа погасли, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись, и в море утонули, и великую дерзость подали поганым. На реке на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земле разбрелись половцы, как пардусов* выводок. Уже насела хула на хвалу; уже перемогло насилие волю; уже кинулся Див на землю. Вот готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом; поют они время Бусово, лелеют месть за Шарокана*. А мы, дружина, уже живем без веселья».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О сыны мои, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкую землю мечами кровавить, а себе славы искать: без чести для себя ведь вы одолели, без чести для себя кровь поганую пролили. Храбрые сердца ваши из харалуга крепкого скованы, в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

Уже не вижу я силы могучего, и богатого, и воинами обильного брата моего Ярослава с черниговскими былями, с могутами и с татранами, с шельбирами,

топчаками, ревугами и ольберами:* те ведь без щитов с одними ножами засапожными, кликом полки побеждают, звеня прадедовской славой.

Вы сказали: «Помужаемся сами, и прошлую славу себе возьмем, и нынешнюю поделим!» Но не диво, братья, и старому помолодеть! Когда сокол перья роняет, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Одна беда: князья мне не в помощь — худая пора настала. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир — под ранами*. Горе и тоска сыну Глебову!

Великий князь Всеволод!* Разве и мысли нет у тебя прилететь издалёка, отчий золотой стол посторожить? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шеломами вычерпать. Здесь был бы ты, невольница была бы по ногате, а раб по резане *. Ты ведь можешь и посуху живыми копьями метать — удалыми сынами Глебовыми *.

Ты, храбрый Рюрик, и ты, Давыд!* Ваши воины в золоченых шлемах — не они ли по крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рык издает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле незнаемом! Вступите, князья, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!* Высоко сидишь ты на своем златокованом столе, подпираешь горы угорские* своими железными полками, королю* загораживаешь путь, затворяешь Дунаю ворота, клади бросая через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твоей земли страшатся; Киеву отворяешь ворота, за дальними странами в салтанов стреляешь с отчего золотого стола. Стреляй же, господине, и в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

А ты, славный Роман, и ты, Мстислав! * Храбрая дума на подвиг вас зовет. Высоко взлетаешь ты на подвиг ратный в отваге, словно сокол, на ветрах парящий, что птицу в ярости хочет одолеть. У вас железные кольчуги под шлемами латинскими: от них дрогнула земля, и многие страны — Хинова *, Литва, Ятвяги, Деремела * и Половцы — сулицы * свои побро-

сали и головы свои склонили под те мечи харалужные. Но уже, князь, потемнел для Игоря солнца свет, а деревья не к добру листья обронили — по Роси и Суле города поделили. А Игорева храброго полку уже не воскресить. Дон тебя, князь, кличет, зовет князей на победу. Олеговичи, храбрые князья, уже ведь приспели на брань.

Ингварь и Всеволод, и вы, три Мстиславича *, не худого гнезда соколы-шестокрыльцы! Не по жребию побед вы себе волости расхватали! Где же ваши золотые шеломы, и сулицы лядские *, и щиты! Загородите степи ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Уже ведь Сула не течет серебряными струями для города Переяславля, и Двина у тех грозных полочан мутно течет под кликом поганых. Один Изяслав, сын Васильков *, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, побил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве побит был мечами литовскими и так сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, звери кровь полизали». И не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода. Одиноко изронил он жемчужную душу из храброго тела сквозь золотое ожерелье. Приуныли голоса, веселье поникло, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеславовы!* Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои зазубренные — уже выпали вы из дедовской славы. Вы своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово. Из-за усобицы ведь стало насилие от земли Половецкой.

На седьмом веке Трояновом * бросил Всеслав * жребий о девице, ему любой. Изловчился, сел на коня, поскакал к городу Киеву, коснулся копьем золотого стола Киевского. Из Белгорода в полночь поскакал лютым зверем, завесившись синей мглой, утром отворил ворота Новугороду, расшиб славу Ярославову, поскакал волком от Дудуток до Немиги. На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были засеяны — засеяны костьми русских сынов. Всеслав князь людям

суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал; из Киева до петухов, великому Хорсу * волком путь перебегая, в Тмуторокань добирался. Ему в Полоцке звонили заутреню рано у Святой Софии в колокола, а он звон тот в Киеве слышал. Хоть и вещая душа была в отважном теле, но часто он беды терпел. Ему вещий Боян такую припевку, мудрый, сложил: «Ни хитрому, ни умному, ни ведуну разумному суда божьего не миновать».

О, стонать Русской земле, поминая прежнее время и прежних князей! Того старого Владимира * нельзя было пригвоздить к горам киевским. Стали стяги его ныне Рюриковы, а другие Давыдовы, но врозь они веют, несогласно копья поют.

На Дунае Ярославны голос слышится *, чайкою неведомой утром рано стонет: «Полечу я чайкою по Дунаю, омочу рукав я белый * во Каяле-реке, утру князю кровавые раны на могучем его теле».

Ярославна утром плачет в Путивле на стене, причитая: «О ветр, ветрило! Зачем, господине, так сильно веешь! Зачем мчишь вражьи стрелы на своих легких крыльях на воинов моей лады? Или мало тебе высоко под облаками веять, лелея корабли на синем море! Зачем, господине, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано утром плачет на стене Путивля-города, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы * сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы челны до полку Кобякова. Прилелей же, господине, мою ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано!»

Ярославна рано плачет на стене в Путивле, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты красно и тепло. Зачем, господине, простерло ты горячие лучи свои на воинов лады? В степи безводной жаждою согнуло им луки, тоскою замкнуло колчаны?»

Вспенилось море в полуночи; смерчи идут туманами. Игорю князю бог путь кажет из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему столу золотому. Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь не спит, Игорь мыслию степь мерит от великого Дону до малого Донца. В полночь Овлур * свистнул коня за рекою; велит князю не дремать. Кликнул; стукнула земля, зашумела трава, вежи половецкие задвигались. А Игорь

князь поскакал горностаем к камышу, пал белым гоголем на воду. Кинулся на борзого коня и соскочил с него серым волком. И побежал к лугу Донца, и полетел соколом под туманами, избивая гусей и лебедей к обеду, и полднику, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, труся собою студеную росу; надорвали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе славы, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! не мало тебе славы, что лелеял князя на волнах, стлал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева, стерег его гоголем на воде, чайками на волнах, утками на ветрах». Не такова, сказал, река Стугна; мелкую струю имея, поглотила она чужие ручьи и потоки, потопила в омуте у темного берега юношу князя Ростислава *. Плачет мать Ростиславова по юном князе Ростиславе. Приуныли цветы от жалости, и деревья в гóре к земле склонились.

То не сороки застрекотали — по следу Игореву едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, ползали змеи-полозы только. Дятлы стуком путь к реке кажут, соловьи веселыми песнями рассвет вещают. Молвит Гзак Кончаку: «Коли сокол к гнезду летит, соколенка расстреляем своими золочеными стрелами». Сказал Кончак Гзе: «Коли сокол к гнезду летит, а мы соколенка опутаем красною девицею». И сказал Гзак Кончаку: «Коли опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы*, а начнут нас птицы бить в степи Половецкой».

Сказал Боян, песнотворец старого времени, Ярославова и Олегова: «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря. Солнце светит на небе — Игорь князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой богородице Пирогощей *. Страны рады, города веселы.

Воспев славу старым князьям, а потом молодых величать будем. Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравы будут князья и дружина, поборая за христиан против поганых полков. Князьям слава и дружине! Аминь.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Перевод В. А. Жуковского[1]

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, тот первую песнь пел:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился

[1] Над переводом «Слова о полку Игореве» В. А. Жуковский работал в 1817—1819 гг. В то время ряд мест в тексте «Слова» понимался ошибочно. Эти ошибки нашли отражение и в переводе Жуковского.

И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую на землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленными, чем даться в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона».
Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу,— он рек,— преломить копье
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или испить шеломом Дона».
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропою Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы перед Курском.
А куряне мои — бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,

Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».
Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило:
Ночь, грозой шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа,
Велит прислушать земле незнаемой,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан Тмутороканский!
И половцы неготовыми дорогами побежали
к Дону великому:
Кричат в полночь телеги,
словно распущенны лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет.
Уже беда его птиц окликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих*,
Русские поле великое червлеными щитами
огородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки
половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали
красных дев половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты;
Ортмами, епанчицами, и мехами,
и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты
мостить.

А стяг червленый с белой хоругвию,
А челка червленая со древком серебряным
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.
И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям поломаться,
Тут-то саблям притупиться
О шеломы половецкие
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
Уж ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют;
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбые русичи щитами червлеными.
Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным!
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие!
Порублены калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!

Какою ранoю подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О красной Глебовне, милом своем желании,
свычае и обычае?
Были сечи Трояновы,
Миновали лета Ярославовы:
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тмуторокани.
Молву об нем слышал давний великий Ярослав,
сын Всеволодов.
А князь Владимир всякое утро уши затыкал
в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца
своего
Меж угорскою конницей ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось
и вырастало междоусобием,
Погибала жизнь Дажьбожиих внуков,
В крамолах княжеских век человеческий
сокращался,
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто враны кричали,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили,
Сбираясь лететь на обед.
То было в тех ратях и тех походах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костьми была посеяна,

Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой.
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы.
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина недостало;
Тут пир докончили храбрые воины русские:
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле приклонилось.
Уже невеселое время, братья, настало:
Уже пустыня силу прикрыла;
И встала обида в силах Дажьбожиих внуков,
Девой ступя на Троянову землю,
Встрепенула крыльями лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствия,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князи про малое спорить, как бы про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех стран набежали с победами на землю Русскую!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А бесстрашному полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге.
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,

А злата-сребра много потратить!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилася по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами врывались
в землю Русскую,
Дань собирали по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, пробудили коварство,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь Киевский.
Гроза Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными ратями
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки-болота;
А Кобяка неверного из луки моря
От железных великих полков половецких
Вихрем исторгнул,
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.
Немцы и венеды,
Греки и моравы
Славу поют Святославову,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпав ее золотом русским.
Там Игорь-князь из златого седла пересел
в седло кощеево;
Уныли в градах забралы,
И веселие поникло.
И Святославу мутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня,— рек он,— черным покровом
на кровати тесовой *;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великий в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.

А кровля без князя была на тереме моем
златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на склон у Пленьска в дебри
Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»
И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тмутороканя
Иль выпить шеломом из Дону.
Уж соколам и крылья неверных саблями
подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах».
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы
по Русской земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя ударила на волю,
Вергнулся Диц на землю.
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием.
Тогда изронил Святослав великий слово златое,
с слезами смешанное:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честию вы победили,
С нечестием пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!

Уже не вижу могущества моего сильного,
богатого, многовойного брата Ярослава,
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татринами и шельбирами,
С топчаками, ревутами и ольберами.
Они без щитов, с кинжалами засапожными,
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
Славу переднюю сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!»
И не диво бы, братья, старому стать
молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего.
Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и Роман кричит под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где же ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча
отцовский златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с ними и была бы чага по ногате,
А кощей по резане.
Ты же посуху можешь с чадами Глеба удалыми
Стрелять живыми самострелами.
А вы, бесстрашные, Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы
в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены
в поле незнаемом?
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем
златокованом!
Подпер Угорские горы полками железными,

Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
Гроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь ты Киеву,
Стреляешь в султанов с златого престола отцовска
через далекие земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея,
за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и смелый Роман!
Храбрая мысль носит ваш ум на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные
панцири!
Дрогнули ими многие земли и области хановы,
Литва, Деремела, Ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть.
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингварь, и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам златые ваши шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря,
смелого Святославича!»
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,

Позвенел своими острыми мечами о шлемы
литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
А сам под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
А на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава,
ни другого — Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелие!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
Ты, Ярослав, и вы, внуки Всеславли,
Пришло преклонить вам стяги свои,
Пришло вам в ножны вонзить мечи
поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
Бывало нам прежде какое насилие от земли
Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил жребий Всеслав о девице милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до златого
престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
Поутру же, стрикузы водрузивши,
раздвинул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немиге.
На Немиге стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немиги не добром были посеяны,

Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тмуторокани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у Святыя Софии,
А он в Киеве звон слышал.
Пусть и вещая душа была в крепком его теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему и вещий Боян древней припевкой предрек:
«Будь хитер, будь смышлен.
Будь по-птичьи горазд,
А божьего суда не минуешь!»
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить
к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;
Нося на рогах их, волы ныне землю пашут.
А копья поют на Дунае».
Голос Ярославнин слышится, на заре
одинокой чечеткою кличет.
«Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле
его».
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
приговаривая:
«О ветер, ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
На что же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему
лелеянью?
На что ж, как ковыль-траву,
ты развеял мое веселие?»
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
припеваючи:

«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты,
слава-река!
Ты пробил горы каменны
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы
к рати Кобяковой:
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зарям
слез я на море!»
Ярославна поутру плачет в Путивле
на стене городской, припеваючи:
«Ты светлое, ты пресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч
на воинов лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?»
Прыснуло море ко полуночи,
Идут мглою туманы:
Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит — не спит,
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи,
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвернулся князь на быстра коня,
Соскочил с него бесом-волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол, под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду,
и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,

Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней.
Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
А Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого дерева,
Охранявшего его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах.
Не такова,— примолвил он,— Стугна-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов раздирает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега темные.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле приклонило».
Не сороки застрекотали:
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами
злачеными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка опутаем красною девицей,
И сказал опять Гзак Кончаку:

«Если опутаем красною девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красныя девицы,
И начнут нас бить птицы в поле
Половецком!»
Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова,
супруга дщери Когановой.
«Тяжко,— сказал он,—быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе —
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае —
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
К святой богородице Пирогощей.
Радуются земли,
Веселы грады.
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям а дружине аминь!

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» было написано его автором для современников, у которых события похода Игоря Святославича были еще в памяти. В «Слове» много намеков, много глухих упоминаний, которые были понятны современникам, но которые требуют сейчас многочисленных пояснений. Вот почему обычный перевод «Слова о полку Игореве» оставляет много неясностей. Эти неясности не могут быть устранены и обычными примечаниями: примечания не раскрывают последовательности в ходе мыслей автора, дробят цельное впечатление от «Слова», столь важное при чтении художественного произведения.

Объяснительный перевод должен облегчить читателю понимание содержания «Слова», его идейной стороны и композиции. Однако объяснительный перевод не может заменить обычного перевода, не устраняет объяснительный перевод и необходимости в примечаниях, где подробно толкуются исторические упоминания «Слова» и самый текст.

«Слово о полку «Игореве» — произведение исключительно сжатое и содержательное. Оно требует многократного чтения. Читая его вновь и вновь, мы всегда находим в нем новые, не замеченные нами прежде глубины содержания. Для одного из таких чтений и предназначен объяснительный перевод. В скобках помещаются в объяснительном переводе все дополнения и пояснения.

Автор «Слова» отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени; он характеризует старую поэтическую манеру Бояна

Не пристало ли нам, братья, начать старыми (старинными) выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича? — (Нет,) начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени, а не по (старинному) замышлению (способу, плану, приему) Бояна. Ибо Боян, вещий, если хотел кому песнь сложить, то (вместо того чтобы следовать «былинам сего времени») растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, как говорил, первоначальных

времен войны (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струн): который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь («славу») старому Ярославу (Мудрому), храброму Мстиславу (Владимировичу), который зарезал Редедю (касожского князя) перед полками касожскими (в Тмутороркани), прекрасному Роману Святославичу (сыну Святослава Ярославича, князя Тмутороканского). То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал; они же сами собой (без всяких усилий, в привычных старых выражениях, «старыми словесы») князьям славу рокотали.

Автор определяет хронологические границы своего повествования

(Итак,) начнем же, братья, повествование это от старого Владимира (Святославича Киевского) до нынешнего Игоря (Святославича Новгород-Северского), который препоясал ум крепостью свою (подчинил свои мысли своей «крепости» — мужеству, храбрости) и поострил сердце свое мужеством; исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Печальное и тревожное начало похода Игоря

Тогда (в начале того печального похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (грозное предзнаменование): от него (Игоря) тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше (больше чести) ведь зарубленным быть (в битве), чем пленным (бесславно дома, дожидаясь половецкого набега); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход) да поглядим на синий Дон (в земле Половецкой)». Ум князя (мысль) уступил страстному желанию, и охота отведать великого Дона (дойти с победой до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование. «Хочу ведь, — сказал (он), — сам копье преломить (сам вступить в единоборство) на границе поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) сложить свою голову, или испить шлемом Дона (победить половцев на Дону)».

Предположение о том, в каких выражениях воспел бы Боян поход Игоря

О Боян, соловей старого времени! Вот бы (уж) ты эти походы (по-соловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя (воедино) славы обеих половин этого времени (славу начальную и конечную времени этого повествования — «от старого Владимира до нынешнего Игоря»), рыща по тропе (языческого старого русского бога) Трояна через поля на горы (иначе говоря — переносясь воображением на огромные расстояния). (Пришлось бы) внуку тому (то есть Бояну — внуку бога Велеса, о котором говорится ниже) воспеть песнь (в честь) Игоря (в таких старинных выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие; стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещий Боян, внук (бога) Велеса: «(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничною рекою) Сулою, (а) слава (победы уже) звенит в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войско) в Новгороде (Северском), а стяги (уже) стоят в Путивле!»

Всеволод одобряет намерение своего брата Игоря выступить в поход

(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему буйный тур Всеволод (одобряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы одного храброго гнезда). (Так) седлай (же), брат (мой), своих борзых коней, а мои-то (уже) готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне — опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты (изготовлены к бою), колчаны отворены (наизготовку), сабли изострены; сами скачут, как волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Выступление Игоря в поход и грозные предзнаменования

Тогда (после встречи с Всеволодом) вступил Игорь-князь в золотое стремя (выступил в поход) и поехал по

чистому полю. Солнце ему тьмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист степных зверей — сусликов); взбился див (божество восточных народов), кличет на вершине дерева (предупреждая своих о походе русских), велит прислушаться (к походу русских) земле незнаемой (Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земле по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню (там же; иными словами — всем враждебным Руси юго-восточным странам), и тебе, Тмутороканский идол (идолу какого-то языческого бога, стоявшего близ Тмуторокани)! И (вот) половцы непроложенными дорогами (дорогами, заранее, как обычно перед походами, не «протеребленными», то есть в крайней спешке) побежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат телеги (их) в полночь, словно лебеди распущенные. (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!

Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают (хищные) птицы по дубам (ждут добычи на поле битвы); волки (воем своим) грозу подымают по оврагам; орлы клектом на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских). О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!

Ночлег войска Игоря в степи и построение в боевой порядок утром

Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щекот соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (наутро) великие поля красными щитами перегородили (построившись в боевой порядок), ища себе чести, а князю — славы.

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Богатая добыча досталась войску Игоря; сам же Игорь берет себе только боевые знаки врагов

Спозаранку в пятницу потоптали (они — воины Игоря) поганые полки половецкие (рассеяли боевой порядок половецких полков) и рассыпались по полю (за

добычей), помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. (Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали мосты (гати) мостить через болота и топкие места и всякими драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки:) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу.

Снова ночует в поле храбрый выводок князей ольговичей. Лирическое размышление автора о судьбе князей. Движение главных сил половцев к Дону, навстречу Игорю

(И вот) дремлет в поле храбрый выводок ольговичей. Далеко залетел! Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (впереди) ему след правит (указывает следом своего войска путь) к Дону великому (навстречу Игорю).

Войска половцев надвигаются. Сетования автора

На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (четырех князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! (Быть грому сражения!) Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашной схватке в начале битвы), тут саблям побиться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого.

О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!

Постепенное развертывание битвы, слитое с изображением надвигающейся грозы

Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль поля покрывает (от движения множества половецкого войска), стяги

(половецкие, своим движением) говорят: половцы идут от Дона (с востока) и от моря (с юга), и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы (боевым, наступательным) кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами, приготовившись к отражению натиска).

Подвиги в битве буй-тура Всеволода. В пылу битвы Всеволод не только не чувствует на себе ран — он забыл и феодальную честь, княжеские обязанности, любовь к жене

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в (самой) середине боя, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая,— там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какая из ран дорога (чувствительна) тому, кто (в пылу битвы), братья, забыл (даже) честь (феодальную честь — честь, связанную с выполнением своих феодальных обязательств по отношению к старейшему князю — Святославу Киевскому), и достояние (своего княжества), и отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной, прекрасной (Ольги) Глебовны (жены Всеволода, дочери Глеба Юрьевича Переяславского) свычаи и обычаи (привычки и обычаи: «любовь и ласку»)!

Лирическое отступление автора. Автор вспоминает прошлое Руси и родоначальника нынешних князей ольговичей — Олега Святославича. Олег своими походами положил начало междоусобиям в Русской земле. Страшные последствия междоусобий Олега Святославича для мирного трудового населения Руси

Были века (бога) Трояна (века языческие), (затем) минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей — ярославичей); были (и) походы Олеговы (Олега Святославича). Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя (выступая в междоусобный поход) в городе Тмуторокани, тот же звон (звон раздоров, уже заранее) слышал давний (уже умерший) великий Ярослав (Мудрый — противник раздоров), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также про-

тивник раздоров) каждое утро уши закладывал в Чернигове (где он княжил; настолько тревожил его этот звон). Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича (сына Вячеслава Ярославича) похвальба (перед битвой на Нежатиной Ниве) привела на суд божий и на (реке) Канине постлала ему зеленое погребальное покрывало (зеленую траву) за обиду (за поруганную честь) Олега (Святославича). С такой же (злосчастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (то есть битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. (Следовательно, поражение потерпели обе стороны.) Тогда, при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажьбожьего внука (русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу.

Сравнение тех ратей Олега Святославича с ратью нынешней — его потомков. Ожесточенность битвы Игорева войска

То было в те (давние) рати и в те походы, а такой рати (как эта — Игоря Святославича) еще не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по Русской земле.

Поражение войск Игоря. Природа сочувствует несчастью русских

Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) издалека (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата Всево-

лода. Бились (ведь они) день, бились другой; на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игорь потерпел поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало, тут пир (битву) окончили храбрые русичи: сватов (половцев, половецких князей, которые постоянно вступали в браки с русскими княжнами) напоили, а сами полегли за землю Русскую. (Сама природа сочувствует поражению русских): Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Печальные размышления автора по поводу тяжелого положения Русской земли.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыла (трупы убитых покрыла трава). Встала обида в (этих полегших) войсках Дажьбожья внука (то есть русских), вступила девою на землю Трояню (на Русь), восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое, и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

Оплакивание погибших в бою ратников Игоря

О! (увы!) далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) избивая,— к морю! Игорева храброго полка не воскресить (случившегося не воротишь)! По нем (по погибшем полку Игоря) кликнула (заплакала погребальным плачем) Карна, и Желя (погребальные боги) поскакала по Русской земле, размыкивая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых, любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не подержать.

Последствия поражения Игоря

И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигоз от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла посреди земли Русской. А князи сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке со двора.

Объяснение причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь своим неудачным походом уничтожил плоды предшествующего победоносного похода на половцев Святослава Киевского

Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство (половцев) пробудили (своим) раздором (со своим главой Святославом и с другими князьми, не захотев сражаться вместе против половцев), а его (это коварство) усыпил было «отец» их (глава) Святослав (Всеволодович Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода) грозный великий киевский грозою (страхом, который на них нагнал): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (за год перед тем), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота («мосты мостя» по «грязивым местам» — прокладывая дороги войску). А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватив в плен): и упал Кобяк в городе Киеве, в Святославовой гриднице (в большой пиршественной палате, которую иногда, в случае большого количества пленных, использовали как тюрьму). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы — реки половецкой,— насыпавшего (на дно Каялы) русского золота (ведь для Руси прошли времена обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь-князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское (стал из князя рабом — пленником). Приуныли у городов забралы (переходы на городских стенах, куда обычно высыпал народ, встречая или провожая войско, где оплакивали павших вдали), и веселье (в городах) поникло.

Автор переносит повествование в Киев, к Святославу Киевскому: Святослав в Киеве видит тяжелый и неясный для него по своему значению сон

А Святослав смутный (непонятый, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). «В эту ночь с вечера одевали меня,— говорит (он),— черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми (опорожненными от стрел) колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобранную крышу). Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещали несчастье) у Плесеньска (под Киевом), в предградье стоял лес Кияни (Киянь — речка под Киевом), и понеслись (они) к синему морю (на юг, к местам печальных событий)».

Бояре Святослава объясняют ему значение его сна, рассказывая о поражении Игоря

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь вот два сокола (Игорь Святославич и Всеволод Святославич) слетели с отчего престола золотого (как с соколиной колодки, с которой слетают соколы при соколиной охоте), чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать победу на Дону). Уже (этим двум) соколам крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы).

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Мысленно перенесясь в центр Руси — к Святославу в Киев, автор «Слова» оценивает поражение Игоря на этот раз с точки зрения внешнего международного положения Руси

Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные столба (лучей) погасли, и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (Олег Игоревич и Святослав Рыльский — сын и племянник Игоря) — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость

возбудили (своим поражением) в хиновах (восточных народах). На реке на Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бросился див на землю (Русскую). И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (антского князя, разбитого готским королем Винитаром), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Владимиром Мономахом). А мы уже, дружина, без веселия (остались)».

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит свое «золотое слово», в котором упрекает Игоря и Всеволода в нарушении феодального послушания, сетует на «непособие» ему русских князей и указывает на первое последствие поражения Игоря — нападение половцев на Переяславль-Русский

Тогда великий Святослав (Всеволодович Киевский) изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано вы начали (слишком вы поторопились) Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) власти (не вижу его держащим власть в своих руках) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского), с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами (то есть со всеми черниговскими ордами ковуев). Те ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кличем и своей славой храбрых воинов, перешедшей к ним от прадедов). Но вы сказали: «Помужествуем сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи), прошлую славу (славу предшествующего похода соединенных русских сил

под главенством Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей степи, принадлежащую Святославу Киевскому), а будущую (славу своего собственного похода) сами поделим (между собой только, не привлекая других князей к походу)!» А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить), когда сокол надел оперение взрослой птицы, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно: я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князья мне не в помощь (остальные князья мне не помогают): худо времена обернулись. И вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им под Переяславлем при обороне его от вторгшихся на Русь вслед за поражением Игоря половцев). Горе и тоска сыну Глебову (Владимиру Глебовичу)!»

На этом заканчивается «золотое слово» Святослава и сам автор начинает призывать князей на защиту Руси. Автор обращается к Всеволоду Юрьевичу Владимирскому с призывом выступить за Русскую землю

Великий князь Всеволод (Всеволод Юрьевич Владимиро-Суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не прилететь издалека (из Владимира-Суздальского), отцов золотой престол поблюсти (поблюсти киевский престол, на котором когда-то сидел отец Всеволода — Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (у тебя столько воинов, что ты легко можешь завоевать всю Волгу), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь «испить из Дону воды», то есть завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать его весь). Если бы ты (только) был (здесь — на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете; так велики были бы последствия твоего пребывания здесь). Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать — удалыми сыновьями Глебовыми! (князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича. Рязанских князей, княживших на юг от Владимира, автор «Слова» сравнивает с копьями — оружием первой стычки в бою).

Автор обращается к Рюрику и Давыду Ростиславичам с призывом выступить за Русскую землю

Ты, буйный Рюрик (Ростиславич), и Давыд (Ростиславич)! Не ваши ли воины золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом (в земле Половецкой; не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремена (выступите в поход) за обиду сего времени (отомстите за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Ярославу Владимировичу Галицкому с призывом выступить за Русскую землю

Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! Высоко (на горе в галичском кремле) сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; то есть крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля и от Византии), мечá тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска в далекие походы, не сопровождая их сам), суды рядя до Дуная (верша суд, управляя землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (стрáны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (Киев тебе покорен), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству от отца) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле и не выступая сам в поход, посылаешь войска против салтана Саладина). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Автор обращается к Роману Мстиславичу Волынскому и к Мстиславу (Пересопницкому или Городенскому) с призывом выступить за Русскую землю

А ты, буйный Роман (Мстиславич Волынский), и Мстислав (Ярославич Пересопницкий или другой

князь — Мстислав Всеволодович Городенский)! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у вас железные молодцы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы), Литва, Ятвяги, Деремела (литовские племена) и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, бросили оружие), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами).

Обращение к волынским князьям остается незаконченным. Под влиянием воспоминаний о победах Романа вновь возникает тема поражения Игоря. Павших воинов не воскресить!

Но уже (но теперь, в противоположность тем победам над половцами), о князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не добром листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (половцы между собою). А Игорева храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!» (Вот) ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань... (За год до твоего похода Игорь и Всеволод не поспели принять участие в победоносном походе объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского; теперь же, захотев одни «испить Дону», они поспешили лишь к своему поражению.)

Возобновляя свое обращение к волынским князьям, автор перечисляет Ингваря и Всеволода Ярославичей и Мстиславичей: Романа, Святослава и Всеволода. Он призывает их выступить за Русскую землю

Ингварь (Ярославич), и Всеволод (Ярославич), и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод — князья волынские)! Не худого гнезда соколы (не плохой вы выводок соколов), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со степью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Обращаясь к полоцким князьям, автор прежде всего указывает на общую беззащитность от «поганых» южных (по Суле) и западных (по Двине — у Полоцка) границ Руси. Он вспоминает безнадежную попытку Изяслава Васильковича Полоцкого одному защитить свои границы от врагов Руси и его одинокую кончину на поле битвы

Уже ведь (пограничная река) Сула не течет серебряными струями для города Переяславля (не служит для Переяславля-Южного защитой от нападений половцев) и Двина (другая пограничная река — на северо-западе) болотом течет для тех грозных полочан (не служит защитой для жителей Полоцка) под (боевым) кликом поганых (литовцев; иными словами: пограничная Сула и пограничная Западная Двина как бы превратились в болотистые речушки, не служат преградами, на них не оказывается сопротивление). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские (вступил в сражение с литовцами), прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего предка Всеслава Полоцкого — славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем, а тот и сказал: «Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся мертвечиной) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!» Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брячислава (Изяславича), ни другого (брата)— Всеволода. Так, в одиночестве, изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие, трубы трубят городенские (в знак сдачи города).

Описав слабость полоцких князей в защите своих собственных границ, автор обращается с призывом ко всем князьям полоцким — потомкам Всеслава и ко всем остальным русским князьям — потомкам Ярослава Мудрого прекратить взаимную вражду, признать, что обе стороны потерпели в этом междоусобии поражение и погубили славу, перешедшую к ним от дедов

Ярослава (Мудрого) все внуки и (внуки) Всеслава (Полоцкого. Две ветви князей, постоянно враждовавшие)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои поврежденные (в междоусобных битвах) мечи. Ибо лишились вы (под-

линной боевой) славы ваших дедов. Ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владение ярославичей), на достояние Всеслава (на Полоцкую землю). Из-за (вашей) усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой.

Безнадежность усобиц автор показывает на примере неприкаянной судьбы родоначальника полоцких всеславичей — Всеслава Брячиславича Полоцкого

На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (то есть напоследок языческих времен) кинул Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева). Он хитростями оперся на коней (которых потребовали восставшие киевляне) и скакнул (из подгороднего «поруба», где он сидел в заключении, наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго не по праву наследства и не «копием», то есть не военной силой, а древком копия —как в столкновениях между своими). Скакнул от них (от восставших киевлян — своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночною) мглою, добыл счастья; в три удара отворил ворота Новгорода, расшиб славу (основоположника новгородских вольностей) Ярослава (Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (под Новгородом). На Немиге (не мирно трудятся)— снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны — посеяны костьми русских сынов (вместо мирного труда — война на Немиге).

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, и над простыми людьми и над князьями), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тмутороканн, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебегая ему дорогу). Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот принужден был) слышать. Хоть и вещая душа (была у него) в

храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему вещий Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать» (как ни «горазд» был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была как бы возмездием за его усобицы).

В лирическом отступлении автор вспоминает первых русских князей, их многочисленные походы на врагов Руси и противопоставляет их современным ему несогласиям между братьями Рюриком и Давыдом в сборах на половцев

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена (еще до Всеслава Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава, Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича) и другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развеваются полотнища знамен (нет между ними согласия. Забыты, следовательно, походы первых русских князей на врагов Руси; в нынешних походах нет между князьями согласия). Копья поют (слышатся звуки битвы)!

Возвращаясь к повествованию об Игоре, автор передает плач жены Игоря — Ярославны

На Дунае Ярославнин (жены Игоря —дочери Ярослава Осмомысла) голос слышится (голос Ярославны долетает до крайних границ Руси — до берегов Дуная), кукушкою безвестною рано (она) кукует. «Полечу,— говорит,— кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке (где потерпел поражение Игорь), утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах городских стен), приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем ты, господин, веешь навстречу (русским полкам)? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого (в битве на Каяле ветер дул на русских со стороны моря, со стороны половцев)? Разве мало тебе было в выши-

не под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет в Путивле-городе на забрале, приговаривая: «О Днепр Славутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с «насаженными», надшитыми бортами) до стана Кобякова (до стана половецкого войска хана Кобяка, разбитого Святославом за год до похода Игоря). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала рано я к нему слез на море» (там, у моря в приазовских степях, находился в плену Игорь).

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно: к чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло» (в трехдневном бою воины Игоря жестоко страдали от жажды).

Как бы в ответ на мольбу Ярославны, «богъ путь кажеть» Игорю на Русскую землю

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает (этими приметами) из земли Половецкой в землю Русскую, к отчему золотому столу (в Чернигове).

Описание бегства Игоря

Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур (крещеный половец — друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться (в плену)! (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь-князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил (на той стороне реки) на борзого коня (приготовленного ему Овлуром за рекою) и соскочил с него серым вол-

ком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, сбивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней.

Разговор Игоря с рекой Донцом

Донец говорит: «Князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!»

Игорь говорит (в ответ): «О Донец! Немало тебе величия, лелеявшему князя (Игоря) на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря) гоголем на воде (чуткий к приближению человека гоголь предупреждал его об опасности), чайками на струях (чайки, поднимаясь с воды, предупреждали его о приближении погони), чернядями на ветрах (чуткими к приближению человека чернядями). Не такова-то,— говорит (он, Игорь), — река Стугна: мелкое теченье имея, поглотив чужие (с половецкой стороны текущие) ручьи и потоки, расширенная к устью, (когда-то) юношу князя Ростислава (брата Владимира Мономаха) заключила (утопила во время бегства от половцев после поражения). На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось».

Погоня за Игорем. Разговор Гзака и Кончака о том, как удержать Игоря в плену

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут (разговаривая — «стрекоча») Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали (в противоположность помощи Игорю гоголей, чаек, чернядей — вороны, галки и сороки молчали), полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях деревьев в глубоких долинах степных рек) кажут путь к реке (Игорю), да соловьи веселыми песнями рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду (на родину) летит, расстреляем соколенка (сы-

на Игоря, Владимира, оставшегося в плену) своими золочеными стрелами».

Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женим его на половчанке)».

И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой (русские станут вновь воевать против нас, если упустим заложника)».

Все то говорили Гзак с Кончаком, а вот что сказали Боян с Ходыной о Русской земле, когда в ней нет князя

Сказали Боян и Ходына — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича) старого времени Ярослава, Олега-князя (Олега Святославича — «Гориславича») любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы», (так и) Русской земле без Игоря.

Исполнилось все не так, как говорили Гзак и Кончак. Игорь вернулся на Русь

«Солнце светится на небе, (а) Игорь-князь в Русской земле»: (это русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае,— вьются голоса (их) через море до (самого) Киева. (То) Игорь (вернувшись из плена) едет (в Киев) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогощей. Сёла рады, города веселы. (Вся Русская земля, до далеких дунайских русских поселений, радуется возвращению Игоря).

Заключительная слава князьям — участникам похода и дружине

Певши песнь (славу) старым князьям, потом (следует) и молодым петь: (итак:) «Слава (старым князьям Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, (а также и молодому князю) Владимиру Игоревичу!» (Будьте) здравы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых (половецких) полков!

Князьям слава и дружине! Аминь.

КОММЕНТАРИИ

К стр. 21

* мысию, песь, Ярослову

К стр. 22—23

* песь
* похоти, в стазби, див кличет, роспущени, подобию, убуди, пяткъ

К стр. 24

* небылон, не, отступиша, раны, тоже, Ярославь, Всеволожь
* канину, повелея, давечя, вступил, убуди

К стр. 25

* убуди, одевахъте, негуют, опустоша, ним, подасть, връжеса

К стр. 26—27

* С — *нет,* многовои, ся, ваю ли, злата времены, вас, повергоща, поклониша, Рси

К стр. 27—28

* бысь, которое, о кони, воззни
* друзе, птицю, рози нося, слышит, незнаемь, горъ

К стр. 29

* к, е, Ростиславя, преклонило

К стр. 30

* полозию, пестворца, Святъславлича, Всеволоде

К стр. 31

* *Боян вещий* — поэт-певец; жил, видимо, во второй половине XI в.; свой репертуар («славы» в честь того или иного князя) исполнял под аккомпанемент гуслей

* *Старый Ярослав* — Ярослав Владимирович Мудрый (ум. в 1054 г.) князь киевский; *храбрый Мстислав* — брат Ярослава Мстислав Владимирович (ум. в 1036 г.), князь черниговский и тмутороканский; о поединке его с Редедей см. «Повесть временных лет» под 1022 г.; *красный Роман Святославич* — Роман Святославич (ум. в 1079 г.), князь тмутороканский, внук Ярослава и Мстислава.

* *Старый Владимир* — Владимир I Святославич (ум. в 1015 г.); *нынешний Игорь* — Игорь Святославич (ум. в 1202 г.), князь новгород-северский, с 1198 г. князь черниговский.

* *Троян* в некоторых древнерусских текстах упоминается в ряду языческих богов Древней Руси; *тропа Троянова* — поэтический символ далекого расстояния; означает, если учесть предшествующий текст, следующее: «скача (умом)— волку уподобляясь в быстроте бега — так далеко, куда рядовой человек, не «вещий», попасть не может».

* *Велес* (Волос)—«скотий бог» языческой Руси, бог изобилия и богатства и, очевидно, покровитель песнотворчества.

* *Всеволод* Святославич (ум. в 1196 г.)— брат Игоря Святославича, князь трубчевский и курский; *буй-тур* — смелый, сильный тур (дикий бык, зубр).

К стр. 32

* *Речь* идет о солнечном затмении 1 мая 1185 г.

* *Див* — враждебная русскому народу вещая птица, предупреждает врагов о походе Игоря.

* *Сурож* — Судак (Крым); *Корсунь* — Херсонес (Крым); *Тмуторокань* — русское княжество на Таманском полуострове, в XI в., находившееся во владении черниговских князей и позже захваченное половцами; *Тмутороканский идолище* — очевидно, «каменная баба» в Тмуторокани, чтимая половцами и своим объемом привлекавшая внимание современников.

* *Червленый* — красный, окрашенный черленью (яркой розово-красной краской).

* *Паволока* — шелковая ткань; *оксамит* — плотная бархатная ткань с разводами и орнаментами, обычно красного или фиолетового цвета.

* *Ортма* — покрывало, попона; *япончица* — плащ, накидка (слово тюркского происхождения).

* *Узорочье* — ценные ткани с узорами; драгоценные вещи.

* *Бунчук* — конский хвост на древке (знак власти).

* *...четыре солнца...*— В походе Игоря Святославича принимали участие четыре князя: Игорь, его брат Всеволод, сын Владимир и племянник Святослав Олегович.

К стр. 33

* *Каяла* — река, где Игорь потерпел поражение; «Каяла»— производное от глагола «каяти» (жалеть, сожалеть, оплакивать); река скорби, гибели, плача. Какая реальная река соответствует поэтической Каяле «Слова»— до сих пор окончательно не выяснено.

* *Стрибог* — один из языческих богов Древней Руси.

* *Харалуг* — сталь западноевропейской выделки.

* *Глебовна* — жена Всеволода Святославича Ольга Глебовна.

* *...века Трояновы...*— века давнопрошедшие.

* *Олег Святославич* (ум. в 1115 г.)— дед Игоря и Всеволода. *Гориславич* — прозвище Олега, подчеркивающее превратности его судьбы. В «Слове» упоминаются отдельные эпизоды биографии Олега. В 1077 г. Олега приютил у себя в Чернигове его дядя — Всеволод Ярославич. Незадолго перед тем старшие Ярославичи — Изяслав и Всеволод — «вывели» его насильно из Владимира-Волынского, где он княжил; Олег вынужден был принять предложение Всеволода поселиться в Чернигове. В 1078 г. Олег бежал от Всеволода в Тмуторокань, где княжил его старший брат Роман. В том же 1078 г. Олег и Борис Вячеславич (двоюродный брат Олега, также обездоленный еще в детстве своими дядьями и также бежавший в Тмуторокань) в союзе с половцами пошли походом на Всеволода с целью вернуть себе «отчину». В битве с ними Всеволод потерпел поражение и бежал в Киев к брату Изяславу просить помощи. Против Олега и Бориса, захвативших Чернигов, двинулась целая коалиция князей: Изяслав с сыном Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром (Мономахом). На Нежатиной ниве разыгралась «сеча злая», и мятежники были разбиты: Борис Вячеславич был убит, а Олег снова бежал в Тмуторокань. В 1094 г., когда в Чернигове еще княжил Владимир Мономах, Олег опять пришел с половцами добывать «отчину». Владимир вынужден был уступить ему Чернигов и перейти на княжение в Переяславль. С Владимиром Олег воевал с небольшими перерывами вплоть до 1097 г.

* В 1078 г. в битве на Нежатиной ниве был убит киевский князь Изяслав Ярославич. С поля битвы (автору «Слова» она напомнила битву на Каяле, где потерпел поражение внук Олега — Игорь) Святополк Изяславич повез в Киев тело отца, по обычаю того времени, на носилках — «между угорскими иноходцами» (венгерской породы конями-иноходцами); носилки прикреплялись шестами к двум коням, бегущим друг за другом.

* *Даждьбог* — один из языческих богов Древней Руси. *Даждьбожий внук* — русский народ.

К стр. 34—35

* *...на землю Троянову...*—на землю Русскую.

* Имеются в виду пожары, которыми обычно сопровождались половецкие нашествия.

* *Святослав* — князь киевский Святослав Всеволодич (ум. в 1194 г.), двоюродный брат Игоря и Всеволода («отцом» Игоря и Всеволода он назван по своему положению, как князь киевский). Речь здесь и ниже идет о победоносном походе Святослава совместно с другими князьями на половцев в 1184 г., в результате которого был взят в плен сам половецкий хан Кобяк с сыновьями.

* *Гридница* — большое пиршественное помещение, где собирались «гриди» — дружинники князя; иногда использовалась как место заключения пленных.

* Сон Святослава Всеволодича, киевского князя, весь насыщен образами и символами, предвещающими горе, несчастье, слезы («крупный жемчуг») и даже смерть («кровля без князька»).

К стр. 36

* *Пардус* — гепард, хищник из семейства кошачьих.
* Речь идет о готах, живших на Таманском полуострове; всякое поражение русских в борьбе с половцами — ближайшими соседями готов — обогащало готских купцов. *Бус* — очевидно, один из половецких ханов XI в., *Шарокан* — половецкий хан Шарукан, дед Кончака; в 1107 г. потерпел поражение в битве с русскими князьями.
* *Ярослав* — князь черниговский Ярослав Всеволодич (ум. в 1198 г.), брат киевского князя Святослава Всеволодича; осторожный и нерешительный, он весьма неохотно принимал участие в походах на половцев. *Были, могуты, татраны шельбиры, топчаки, ревуги, ольберы* — знатные роды ковуев, тюрков по происхождению, давно осевшие в Черниговской земле и подчиненные черниговскому князю.
* После поражения Игоря половецкие ханы Гза и Кончак пошли походом на Русь: первый — на Посемье, второй — на Переяславль. При защите Переяславля был тяжело ранен переяславский князь Владимир Глебович (ум. в 1187 г.). Кончак на обратном пути взял и разорил Римов (город на реке Суле).
* *Всеволод* Юрьевич Большое Гнездо (ум. в 1212 г.) — сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха, великий князь владимирский.
* *Ногата, резана* — мелкие денежные единицы в Древней Руси.

К стр. 37

* *Сыны Глебовы* — рязанские князья, сыновья Глеба Ростиславича, находившиеся в вассальной зависимости от Всеволода Юрьевича Владимирского.
* *Рюрик* Ростиславич (ум. в 1215 г.)— князь белгородский, его брат *Давыд* Ростиславич (ум. в 1198 г.)— князь смоленский.
* *Ярослав* Владимирович (ум. в 1187 г.)— князь галицкий, тесть Игоря Святославича; *Осмомысл* — прозвище этого князя.
* *Горы угорские* — горы венгерские (Карпаты).
* *Королю* — венгерскому королю.
* *Роман* Мстиславич (ум. в 1205 г.)— князь волынский; и, видимо, его двоюродный брат *Мстислав* Ярославич (ум. в 1226 г.)— князь пересопницкий.
* *Хинова* — собирательное слово, обозначающее разные неведомые восточные страны и народы, враждебные Руси.
* *Ятваги, Деремела* — литовские земли и племена.
* *Сулица* — короткое метательное копье в Древней Руси.
* *Ингварь, Всеволод, Мстиславичи* — волынские князья.
* *Лядские* — польские.
* *Изяслав* — один из полоцких князей, внуков Всеслава Полоцкого.

* *Ярослав* — судя по контексту, тоже один из полоцких князей, внуков Всеслава.

* *На седьмом веке Трояновом...*— в давнее время (число *семь* — эпическое число).

* *Всеслав* Брячиславич (ум. в 1101 г.)— князь полоцкий, родоначальник полоцкой династии князей. Враждовал с сыновьями Ярослава Мудрого. В 1067 г. он взял Новгород и сжег его. Против него двинулись походом Ярославичи — Изяслав, Святослав и Всеволод. На реке Немиге 3 марта 1067 г. разыгралась битва, в результате которой Всеслав был разбит и бежал. Ярославичи стали звать его, обещая прощение и мир, но слова своего не сдержали: он был схвачен у Смоленска, как только переправился через Днепр. Изяслав привел его в Киев и заточил с двумя сыновьями. В 1068 г. восставшие против Изяслава киевляне освободили Всеслава и провозгласили князем («...коснулся копьем золотого стола Киевского»). В 1069 г. Изяслав с помощью союзника своего, польского короля Болеслава, вернулся в Киев; предвидя поражение, Всеслав ночью тайно от киевлян бежал в Белгород, а оттуда в Полоцк. Бегло напоминая читателю известные ему события из жизни Всеслава, автор «Слова» руководствовался стремлением не столько воссоздать политическую биографию Всеслава, сколько его образ, как он ему рисовался, уже опоэтизированный преданием.

К стр. 38

* *Хорс* — бог солнца в языческой Руси.

* *Старый Владимир* — Владимир I Святославич.

* *Дунай* — нередко встречающееся в народной поэзии поэтическое обозначение места действия; *Ярославна* — Евфросинья Ярославна, дочь Ярослава Владимировича Галицкого, Осмомысла, вторая жена (с 1184 г.). Игоря Святославича.

* В древнерусском оригинале слову «белый» соответствует слово «бебрян». Слово «бебрян» имело два значения: «бобровый, опушенный бобровым мехом», и «белый, сшитый из белой шелковой ткани».

* *Каменные горы* — днепровские пороги.

* *Овлур* — половец, бежавший на Русь вместе с Игорем.

К стр. 39

* Речь идет о гибели брата Владимира Мономаха, князя Ростислава Всеволодича, утонувшего в 1093 г., двадцати двух лет от роду, при переправе через реку Стугну.

* Владимир, сын Игоря Святославича, в 1187 г., бежал из половецкого плена вместе с дочерью хана Кончака.

* *Боричев* — Боричев взвоз (подъем) в Киеве с днепровского берега на гору; *богородица Пирогощая* — церковь богородицы Пирогощей в Киеве (построена в 1132—1136 гг.); названа так по иконе «Пирогощей» (греч.— башня), привезенной из Константинополя.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Составитель *И. Г. Шевченко*
Художник *П. М. Криушин.*
Ответ. по выпуску *И. Г. Шевченко.*
Худ. редактор *А. И. Ващенко.*
Техн. редактор *А. П. Ткаченко.*
Корректор *Л. Д. Лисасина.*

ИБ № 2285

Сдано в набор 25.02.83. Подписано в печать 29.09.83. Бумага тип. 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 4,2. Уч.-изд. л. 4,179. Тираж 150 000 экз. Заказ 569. Цена 15 коп.
Издательство «Мектеп» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая 143.
Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

15 к.

«Слово о полку Игореве» проникнуто большим человеческим чувством — теплым, нежным и сильным чувством любви к Родине. Призыв «Слова» к защите Родины, к охране мирного труда ее народа звучит и сейчас с неослабеваемой силой.

Д. Лихачев.

АЛМА-АТА «МЕКТЕП»
1983